

ЖАНРОВЫЕ ТРАДИЦИИ СТАРИННОЙ РУССКОЙ ИНТЕРМЕДИИ В ПЬЕСАХ В. Я. ШИШКОВА

В статье рассматриваются малоизученные пьесы В. Я. Шишкова и доказывается их жанровое родство с русскими интермедиями. Подчеркивается общность в структуре, языковом материале, наборе персонажей, выражении в тексте народной смеховой культуры.

Ключевые слова: интермедия, жанр, пьеса, народная смеховая культура, интермедийный персонаж.

Творчество В. Я. Шишкова тесно связано с древнерусской культурой, в частности с ее фольклорной составляющей. В своей автобиографии писатель упоминал о том большом влиянии, которое оказывала на него в детстве житийная литература. Свой писательский путь Шишков начал с публикации символической сказки «Кедр», т. е. для творческого дебюта он выбрал жанр, излюбленный русским народом с незапамятных времен. Напевность и мелодичность, обилие в произведениях народных песен, пословиц, других образцов народной мудрости, мистицизм и духовность в творчестве – все это отпечаток воздействия на писателя древнерусской литературы и фольклора.

Вячеслав Шишков широко известен как автор прозаических произведений больших и малых форм, которые в наибольшей степени изучались литературоведами 50–80-х гг. XX в. В настоящее время интерес к творчеству, несомненно, большого писателя неслаженно ослабел, хотя «белых пятен» в его творческой биографии осталось немало. Одним из таких «белых пятен» является драматургическое наследие В. Я. Шишкова.

Попытаемся выделить жанровые традиции старинной русской интермедии в пьесах В. Я. Шишкова.

Ю. Соболев дает такое определение интермедии: «*Интермедии* – комические сцены, иногда одноактная комическая опера, балет, пантомима, или музыкальные номера, вставляемые между действиями основной пьесы спектакля» [Соболев, 1925]¹. Подобные короткие забавные сценки бытового характера исполнялись первоначально только в антрактах так называемых «школьных» пьес, потому и получили название «межувброшенные забавные игрища». В основном они представляли собой инсценировки народных анекдотов, шуток и т. д. Многие интермедии были напечатаны в виде лубочных картинок с соответствующим текстом. В XVIII в. произошло отделение интермедий от пьес «школьного» репертуара и они стали самостоятельными. До наших дней дошло несколько интермедий XVII в., в значительно большей степени – XVIII в. В настоящее время с частью сохранившихся интермедий можно ознакомиться в сборнике Н. Тихонравова «Русские драматические произведения 1672–1725 гг.». Интересно, что первые постановки, осуществленные

¹ См.: также: <http://feb-web.ru/feb/slt/abc/lt1/lt1-2981.htm>

на тверской сцене, также сопровождалась интермедиями. Так, интересным образцом социальной сатиры являются интермедии к тверской «Опере об Александре Македонском», разыгранной воспитанниками Тверской духовной семинарии в начале XVIII в.

Причина популярности интермедий была в том, что «пьесы «серьезного» репертуара... все более очевидно стали выражать идеологию господствующего класса, враждебную интересам демократических масс, тогда как интермедии, выросшие большей частью из народных сатирических анекдотов, иронических и шуточных сказов и т. д. ...больше отражали воззрения народных зрителей и были им ближе» [Русская народная..., 1953. С. 17]. Литература, в частности драматургия после революции 1917 г. также должна была соответствовать интересам народа. В. Шишков писал в своей автобиографии: «С большим волнением всматриваясь в небывалые события народной жизни, я работал с особым рвением, будучи настроен бодро и радостно. И я никогда, ни на один день не представлял себе свои личные радости и горести, тем более писательскую свою судьбу, – вне судьбы народа» [Шишков, 1956. С. 8]. В 20-х гг. он написал серию юмористических «шутейных» рассказов, в которой отобразил жизнь современной ему деревни. Невежество и карьеризм, подхалимство и жалость, глупость и дикость – вот те человеческие пороки, которые в мастерской сатирической форме высмеивает писатель, и противопоставляет им народную мудрость и находчивость. Благодаря непринужденной веселости повествования, читатель-выходец из простого народа легко принимал и понимал рассказы, Шишков неоднократно с успехом читал их на эстраде. К «шутейным» рассказам по идейному содержанию тесно примыкают написанные в это же время пьесы. На то, что и они в свое время пользовались популярностью, указывает письмо В. Шишкова к В. М. Бахметьеву от 23 августа 1920 г.: «...Да везде, где есть большой театр и хорошая труппа, наверняка будут ставить. Потому – там пение, пляска, возня, шум – это народу нравится, а автору – лафа, хы!» [Там же. С. 254].

Проследить жанровые традиции старинных русских интермедий в пьесах В. Шишкова можно в двух ракурсах: выделить в драматических произведениях Шишкова черты, характеризующие этот жанр, и выде-

лить из текста пьес короткие комические сценки, которые могут претендовать на статус интермедии.

Исследователь восточнославянских интермедий П. Левин одной из наиболее существенных черт этого жанра выделяет структуру, обуславливающую участие зрителей в спектакле [1971. С. 105]. В древнерусских интермедиях это непосредственное обращение к зрителям: в интермедии «Маркитант и ставленник» маркитант обращается к публике «Кто тут спрашивал подовых, господ честные», к зрителям «панам мирянам» о помощи взывает Мужик во второй интермедии к драме Георгия Конисского «Воскресение мертвых».

Для возможности диалога со зрителем В. Шишков вводит в свои пьесы хор. Праздничное настроение веселой свадьбы в начале драмы «Вихрь» вносит хор: «Ну, ребята, пляшите / Не жалеите лапти-те». В сцене обыгрывания арестантами службы панихиды в пьесе «Старый мир» хор подчеркивает нелепость и бессмысленность происходящей ситуации:

Не спеть ли нам, братия, что-нибудь?

Не спеть ли нам, братия, что-нибудь?

Спели бы, да не знаем что,

Спели бы, да не знаем что.

Еще одной характеристикой интермедий является оживленное движение на сцене, создание ситуации суматохи. Это явно видно из ремарок: например, в интермедии «Гаер, поп, подьячий и монахи»: «Старец и Подьячий бросаются и бьют попа, а Поп барахтается, тогда заиграют бычка, и все трое плясать пойдут, Подьячий запинается за железы, а Старец, упуская из рук стул, то и дело падает» [Русская народная..., 1953. С. 93]. Обратимся к ремаркам пьес В. Шишкова: «Съезжий праздник» – престол. Гости из своего села и соседних деревень. Девицы, парни, мужики. Назар угощает гостей пивом: нацедит в жбан и подает крайнему. Жбан идет по гостям...возвращается Назару, вновь наполняется и передается дальше. Веселая вечерка», «Несколько парней и девок бросаются плясать, к ним пристает и Пётр. Ванька гикает, носится, подпрыгивает, свистит. Разудалый русский пляс, песня. Изба ходуном ходит» («Вихрь», 1-е действие).

Образцом пьес В. Шишкова, в структуре которых условно можно выделить «межувброшенные забавные игральщища», является

мелодрама «Старый мир». Серьезная по идейному содержанию, с острым социальным конфликтом пьеса, изображающая послереволюционную действительность, необычайно музыкальна. Она наполнена народными песнями, и к изданию книги Шишков прилагал ноты. Отдельным героем драмы является хор, функция которого быть не просто элементом декоративного оформления пьесы, оживлять ее, но и давать объективную оценку происходящих событий, подытоживать действие. Так, завершает пьесу именно песня хора:

Отречёмся от старого мира,
Отрясём его прах с наших ног...
Нам не надо златого кумира,
Ненавистен нам царский чертог...

Древнерусские интермедии также отличались музыкальностью (музыкальные интермедии называли интерлюдиями).

Два эпизода в пьесе – приход ряженых и обыгрывание службы панихиды – выделяются из текста своей интермедийной направленностью. В частности, одной из особенностей интермедий было наличие в их структуре элементов пантомимы: например, любовник, испугавшись мужа, притворяется статуей. Были распространены пантомимы с переодеванием. В «Старом мире» Шишкова на сцене появляются под предводительством Цыгана ряженые, переодетые в медведя, козу, тунгуса с тунгуской, спиртоноса, колдуна. На пантомимический компонент указывают ремарки: «Медведь рывкает, поджимает лапы к брюху и кланяется» или в сцене игры в «похороны бабушки»: «Окурка одевают бабушкой, повязывают платком. Окурка ложится на лавку, руки складывает на груди, как покойник. Пробка одевается попом, из бушлата делает род ризы, на голову колпак-скуфью. Вьют из полотенца жгут, на конце заматывают груз, получается кадило».

Есть еще одно общее, объединяющее интермедии и пьесы В. Шишкова – выражение в них народной смеховой культуры. М. Бахтин в работе «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» [1990] выделил три формы ее выражения: обрядово-зрелищные формы; словесные смеховые произведения; различные формы и жанры фамиллярно-площадной речи. Интермедия в рамках жанра является «смеховым» произведением, представляющим собой комическое зрелище,

созданное на потеху публике. Обрядово-зрелищные формы народной культуры присутствуют в пьесах В. Шишкова. Драма «Вихрь» открывается свадебным праздником, и это не случайно. Бахтин пишет: «...празднества на всех этапах своего исторического развития были связаны с кризисными, переломными моментами в жизни природы, общества и человека. Моменты смерти и возрождения, смены и обновления всегда были ведущими в праздничном мироощущении» [Там же. С. 14]. Свадьба в пьесе – радостное событие, происходящее перед объявлением народу о войне, – создает у зрителя картину беспорядочного веселья и хаоса и подготавливает к надвигающимся событиям. Еще более обрядово-зрелищные формы народной культуры проявляются в пьесе «Старый мир» в эпизодах с приходом ряженых и обыгрыванием службы панихиды.

Что касается форм речевой жизни, то для смеховой народной культуры характерны ослабление речевого этикета и речевых запретов, употребление бранных выражений, замена имен прозвищами, появление возможности взаимного осмеяния и пр. Разумеется, все это присутствует в текстах интермедий: пренебрежительное отношение к собеседнику («Разве ты слеп, то прочистить глаза те ясно» – «Маркитант и ставленник»), употребление ругательств («Каналия, вот тебе лучше заплатка» – «Херлекин и Шляхтич»). В пьесах Шишкова народная речь также проявляется во всех возможных формах, в частности у большинства персонажей есть клички (Кувалда, Блямба, Окурка, Пробка в «Старом мире», Митька-Смерть – в «Вихре»), или они названы по профессии либо по роду деятельности (Пастух в «Грамотеях», Купчик, Молодой крестьянин в «Мужичке»; как, кстати, практически во всех интермедиях), или имена персонажей в списке действующих лиц даны с уменьшительно-ласкательным суффиксом (Бабка Федосья, Бабка Дарья, Ванька в «Грамотеях», Сёмка, Яшка в «Старом мире», Ванька Пастух, Фиска в «Вихре»).

Зачастую объектом комического обыгрывания в интермедиях и в драматургии Шишкова становится языковой материал. Яркий пример – интермедия «Паяц»:

Товарищ. Паяц, тебя ищет полиция.

Паяц. Меня ищут в больницу? Зачем. Я здоровый, не хвораю.

Товарищ. Нет, не в больницу, а в полицию. Тебя нужно отдать в солдаты.

Паяц. Меня в собаки? Как, я шкуру потерял и брехать не умею.

Товарищ. Да не в собаки, а солдаты. Ты будешь служивый.

Паяц. Я с пружиной? А где меня будут заводить? <...> [Русская народная..., 1953. С. 110].

У Шишкова тоже распространен прием подмены понятий, правда, в указанной интермедии герой намеренно путает слова, а у Шишкова это связано с появлением так называемой «народной этимологии»:

Марфинька. Кто отобрал, где?!

Панкратыч. Кто! Знамо, товарищи. Заграбительный отряд какой-то. Кому боле-то? Вот и заграбили все?

Абрамов. Не заграбительный, а заградительный (улыбается).

Панкратыч. Всё единственно, как ни назови. Пискулянт, говорят, малодер [Шишков, 1920. С. 7].

Стандартным был набор персонажей в интермедии и связывался с объектом осмеяния, которым в основном были представители власти или духовенства: корыстолюбивые судьи, пьяницы-монахи, алчные священнослужители. Им противостоял остроумный Гаер, Паяц или Арлекин, предшественник ярмарочного Петрушки. Так, и в пьесе Шишкова «Старый мир» объектом сатиры становятся Дьякон – любитель кутежей и веселых пьянок, однако не признающийся в этом («духовному сану не подобает»); отдельно в списке персонажей выделены «1-ый пьяный» и «2-ой пьяный».

Другая группа интермедийных персонажей – это инородцы и различные «маргиналы», фигуры, традиционно занимающие «пограничное» положение в культуре. В русской традиции среди них тоже присутствуют Цыган, Жид, Грек; а также Пьяница, Поп, Лекарь и другие, не менее популярные фольклорные персонажи. В этой группе представители власти – подьячие и приказные, и фантастический персонаж Черт, и аллегорический персонаж – Смерть.

Интермедийным персонажем в пьесе является Цыган в сопровождении ряженых. Он разыгрывает перед зрителями комическое мини-представление, заставляет Дьякона присоединиться к веселящейся пляшущей толпе, дает характеристику ситуации

с приставом и Наташей: «К чорту в лапы угодила».

В драме «Вихрь» отдельное место занимает еще один персонаж – Митька-Смерть. Он появляется в ходе пьесы в кульминационные трагедийные моменты. Так, первое его появление ремаркируется автором: «При слове “война” быстро входит Митька-Смерть...останавливается у косяка и все время стоит не шелохнувшись». Его описание в списке действующих лиц уже заставляет читателя проявить интерес к его действиям: «Юродивый парень, всегда одет смертью, в длинном белом балахоне, с косой. Лицо то открыто, то закрыто наголовником, смотря по обстоятельствам. Говорит гнусаво, тягуче, старушьям голосом. Хохот громяющий, дикий, злобно-гаинственный, наводящий ужас». Юродивый герой в пьесе появляется вовсе не случайно. В исследованиях А. М. Панченко, касающихся феномена древнерусского юродства [1984], оно характеризуется как «третий мир» древнерусской культуры, так как занимает промежуточное положение между смеховым миром и миром церковной культуры. В драме «Вихрь» затрагивается проблема Бога и церкви, которая по-разному осмысливается разными персонажами. Митька-Смерть присутствует и при этих спорах, однако основной задачей этого действующего лица становится обозначение новых этапов в развитии действия пьесы (персонаж появляется на сцене в начале или в конце действий).

Исследователь русской народной драмы Н. И. Савушкина предложила достаточно полную классификацию персонажей древнерусского театра. Из этой классификации можно выделить отдельную группу, которая как раз представлена и в интермедиях, и в драматургии В. Шишкова: «персонажи социально-бытовые, которые являются частью общефольклорного традиционного фонда персонажей, их можно встретить в сказках, анекдотах, песнях, прибаутках...» и «персонажи <...> составляющие <...> определенную профессионально-дифференцированную среду...» [Савушкина, 1988. С. 114].

Безусловно, театр интермедии оказал влияние на формирование первых русских литературных бытовых комедий Сумарокова, Фонвизина и др. и на развитие русской демократической драмы, образцом которой являются и пьесы В. Шишкова. Опираясь

на принципы народного театра, они пронизаны реалистичностью изображаемых событий, острой сатирой и являются своеобразным отражением перемен общественного сознания в сложный послереволюционный период.

Список литературы

Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1990.

Левин П. Сценическая структура восточнославянских интермедий // Русская литература на рубеже двух эпох (XVII – начало XVIII в.) М.: Наука, 1971.

Панченко А. М. Смех как зрелище: Коллект. моногр. // Лихачёв Д. С., Панченко А. М., По-

нырко Н. В. Смех в древней Руси. Л.: Наука, 1984.

Русская народная драма. XVII–XX века. Тексты пьес и описания представлений. М.: Искусство, 1953.

Савушкина Н. И. Русская народная драма. М., 1988.

Соболев Ю. Интермедия // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2 т. М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. Т. 1. А–П.

Шишков В. Я. Неопубликованные произведения. М., 1956.

Шишков В. Мужичок. Сцены в двух картинах. Пб., 1920.

Материал поступил в редколлегию 19.12.2010

E. V. Gromova

GENRE TRADITIONS OF OLD RUSSIAN INTERLUDE IN V. Ja. SHISHKOV'S PLAYS

The not enough studied V. Ja. Shishkov's plays are considered in article and their genre relationship with Russian interludes is proved. The generality in structure, a language material, a set of characters, expression in the text of national humorous culture is underlined.

Keywords: interlude, genre, the play, national humorous culture, interluding character.